

А.А. МЕЛИКЯН

“МЕЦ ЕГЕРН” И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСТГЕНОЦИДАЛЬНОЙ ТРАВМЫ

Изложены философские, политико-правовые, религиозно-юридические и морально-психологические аспекты проблем, которые охватывают понятие “Армянский геноцид”. Эти проблемы рассмотрены в контексте посттравматических переживаний современной армянской общественности. Акцентируется внимание на характере переживания феномена геноцида и преодоления “боли и травмы”. Геноцид оставляет “следы” в сознании народа, который пережил его, следовательно, исследование, изучение и реабилитация посттравматической реальности представляются актуальной и необходимой научной задачей в контексте современной гуманитарной мысли.

Ключевые слова: геноцид, травма, геноцидальная травма, посттравматическая реабилитация, позиция палача, позиция жертвы, позиция стороннего наблюдателя, исламский шариат, холокост.

«Нас обвиняют в том, что мы не видим разницы между виновными и безвинными армянами, это абсолютно невозможно, так как сегодняшние безвинные, возможно, станут завтрашними виновными». Министр внутренних дел Турции Талаат-паша, 1915 год.

«В начале века в Турции проживало 1 800 000 армян. Примерно 700 000 из них были убиты в местах своего проживания, и примерно 600 000 погибло во время депортации. 200 000 бежали на Кавказ. 150 000 удалось бежать в Европу. В Турции осталось менее 150 000 армян. 70 процентов народа, жившего в Анатолии 3000 лет, было уничтожено». Из выступления депутата Джанкарло Пальярини на заседании Парламента Италии 3 апреля 2000 года по вопросу о признании Геноцида армян 1915-1923 годов.

История, новые документы и свидетельства очевидцев, касающиеся Армянского геноцида, с одной стороны, почти наверняка вызывают острый приступ скорби и печали, с другой стороны - заставляют испытывать оправданное возмущение и негодование циничной позицией Турции, которая не устает нагло отрицать известные факты истории. Есть одна странная вещь — армянский народ продолжает быть носителем травматической боли, но при этом именно он должен сформулировать основные процедуры преодоления этой боли. В принципе, больной не всегда способен найти адекватный метод лечения, но в случае геноцидальной травмы оставшиеся в живых должны излечить себя сами. В научной и художественной литературе, посвященной фактам, событиям, свидетельствам, документам, относящимся к проблеме геноцида, можно, пожалуй, выделить устойчивую аналитическую конфигура-

цию, а именно - рассмотрение феномена геноцида с позиции жертвы, стороннего наблюдателя и палача.

Ниже предлагается фактический материал, распределенный по этим трем позициям. Итак, рассмотрим пример позиции жертвы (на основе материалов немецкой газеты *Der Spiegel*): «Одна из них жительница Еревана 100-летняя Тигрануи Асатрян, которая уже два года, как потеряла чувство вкуса, а год назад утратила зрение. “Я жду своей смерти”, — говорит она. 92 года назад она ждала своей смерти в подвале дома одного из сел, которое сейчас находится по ту сторону современной границы с Турцией. На улице лежало тело убитого молодого армянина. В одном из соседних домов были изнасилованы женщины — восьмилетняя девочка слышала их крики. Другого свидетеля Геноцида газета нашла по ту сторону границы. “Фермеру Аветису Демирчи 97 лет, и, скорее всего, он последний армянин в Турции, который пережил Геноцид”, — пишет газета и передает то, что рассказал старик. “В июле 1915 года турецкие жандармы дошли до нашего села. Когда мы убежали, мой отец привязал меня к спине, — рассказывает Демирчи. — Об этом мне рассказали родители”. Жители его села и шести окрестных сел с охотничьими ружьями и пистолетами закрепились на Муса даге» [1].

Позицию стороннего наблюдателя достаточно непредвзято выражают немцы, в период Первой мировой войны союзники Османской Турции, которые оказались свидетелями тех событий (По материалам книги «Германские источники о геноциде армян: Период первой мировой войны»: Сборник документов и материалов в 2-х томах, которая, в свою очередь, основана на документах из Германского центрального архива Потсдама, Саксонского Главного государственного архива Дрездена, Германского центрального архива Мерзебурга (историческое отделение №2) и Государственного архива Шверина). «Немецкий пастор Фишер рассказывает: «В районе Вана ... в приют для сирот прибыла группа девочек. Их подвесили за руки на деревья, а потом начали сдирать с головы кожу. С трудом можно представить себе состояние этих несчастных. У одной женщины, которая пришла к нам, разрубили на куски ребенка и этими кусками набили ей рот, многие девушки в приюте для сирот были обесчещены и находились в ужасном состоянии... Однажды я проезжал вдоль турецкой границы и увидел, что на дереве висит что-то темное... Это был человек, с которого полностью содрали кожу» [2,39]. По рассказам очевидцев-немцев, инженеров Багдадской железной дороги, турки связывали вместе мужчин, стреляли в них дробью и уходили, смеясь, в то время как их жертвы медленно умирали в ужасных конвульсиях. Других мужчин, связав им руки за спиной, скатывали по крутому откосу; внизу стояли турецкие женщины, которые добивали скатывавших ножами [2,35]. По пустынным горным долинам Анатолии, под палящим зноем жандармы ударами палок и плетей

гнали толпы голодных, изнывающих от жажды, босоногих, плачущих женщин и детей. Тех, кто падал, закалывали. Караван депортированных превратился в шествие смертников. К месту назначения дошло менее четверти депортированных [2,36].

Один из немцев-очевидцев трагических событий в Западной Армении писал, что «турки превзошли все границы жестокости». В различных провинциях были зверски умерщвлены тысячи армян: мужчин, женщин, стариков и детей. Их убивали топором или душили. Беременных женщин избивали прикладами винтовок до тех пор, пока они не умирали. Молодых девушек дарили паше в качестве наложниц или предлагали немецким офицерам [2,37]. Тысячи трупов армян, жертв избиений, можно было видеть в Евфрате. Неисчислимые массы армян были угнаны в безлюдные местности: мужчин гнали в одном направлении, женщин – в другом, без пищи. Молодых супругов разлучали, а затем женщин насиловали на глазах их мужей, после чего последних убивали на глазах обесчещенных женщин.

По сообщению турка Фаиз эль-Гусейна, «по обе стороны дороги вблизи Диарбекира все выглядело ужасно. Здесь мужчины с пулей в груди, там разрезанная на куски женщина и маленький ребенок, заснувший последним сном рядом со своей матерью, девушка, обесчещенная во цвете юных лет. Так протекало наше путешествие, пока мы не дошли до канала Кара-Пунар вблизи Диарбекира. Там мы увидели сожженные, обуглившиеся трупы. О, Аллах, от взгляда которого ничего не сокрыто. Ты один лишь знаешь, сколько молодых мужчин и юных девушек, которые могли быть счастливы, стали жертвами пламени в этом зловонном месте» [2,41].

Немецкий коммерсант рассказывает, что по пути его следования валялось так много отрубленных детских и женских рук, что ими можно было бы вымостить улицу [2,42]. В книге Генриха Фирбюхера приводятся следующие факты: «В Гастеване и Салмазе только из колодцев был извлечено 850 обезглавленных трупов. Почему? Главнокомандующий турецкими отрядами за каждую христианскую голову платил определенную сумму. Колодцы были залиты христианской кровью. Только из одного Гастевана в Саугбулак было отправлено на поругание около 500 женщин и девушек... Женщины, видя, как при свете белого дня насилуют их сестер, сотнями бросались в глубокую реку» [2,43]. Захватив город Мули, жандармы на глазах у мужчин стали насиловать их жен. Многие из мужчин убивали своих жен и дочерей. Одна большая семья умерла, приняв яд. Неподалеку от Анкары убили 500 человек, отрезав им предварительно носы, уши и выколов глаза» [2, 44].

Что касается выявления позиции палача, то организаторы «резни» оказались настолько откровенными в своем призвании, что нет необходимости интерпретировать те или иные высказывания или документы. В указах

Талаата-паши об обращении с выселенными армянами совершенно откровенно говорится об истинных целях турецкого правительства. Так, в телеграмме от 9 сентября 1915 г., адресованной в префектуру Алеппо, указывалось: «Право армян жить и работать в Турции полностью ликвидировано. Правительство, которое в этом отношении берет на себя всякую ответственность, приказало не оставлять в колыбели ни одного ребенка. В некоторых провинциях этот приказ был выполнен. Но в Алеппо, по неизвестным нам причинам, делаются исключения, и ряд лиц остается, вместо того, чтобы быть сосланным; в связи с этим перед правительством возникают новые трудности. Пусть без всяких оснований будут высланы женщины и дети, кто бы они ни были, даже те, которые не могут идти» [3,19].

В одной телеграмме Талаат-паша высказывается еще более откровенно: «По приказу Джемиета правительство решило полностью уничтожить всех армян, проживающих в Турции... Невзирая на женщин, детей и больных, какими трагичными ни были методы уничтожения, не принимая во внимание чувство совести, положите конец их существованию» [3,20]. Он отмечал, что “так называемый приют для сирот не нужен. Сейчас нельзя терять время на то, чтобы кормить их (сирот) и продлевать им жизнь, поддаваясь влиянию чувств. Отправьте их и сообщите нам об этом... Уничтожайте тайными средствами любого армянина восточных провинций, которого найдете в вашей области” [2, 21].

Рассмотрим и, по возможности, обобщим некоторые устоявшиеся теории, которые предлагают процедуры преодоления последствий геноцида. Само понятие «геноцид», соединившее греческое *geno* (раса или племя) и латинское *cide* (убийство), было введено в 1944 году уроженцем Львова Рафаэлем Лемкиным, юридически закреплено двумя годами позже — когда Генеральная ассамблея ООН приняла разработанную Лемкиным резолюцию, осуждающую геноцид; и только в 1961 году вступила в силу утвержденная в 1948-м Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него. В зарубежной и армянской научной литературе можно встретить следующие модели преодоления геноцидальной травмы:

- Радикальная или “хирургическая” реабилитация постгеноцидальной травмы. В рамках данного видения предлагается уничтожить турецкое государство и положить конец присутствию турок на всей территории Анатолии и Армянского нагорья. Азиатские степи и пустыни вполне соответствуют их душевному складу. Только там они смогут успокоиться, вывести из себя жажду уничтожения, кровожадные инстинкты и обрести душевное равновесие. В анналах истории укажут, что турки сумели утвердиться и основать государство на византийских и армянских землях, но по прошествии нескольких сот

лет были вынуждены вернуться на свою историческую родину. Данная теория утверждает, что только таким образом армяне смогут оправдать собственное существование перед умершвленными предками, оскверненными могилами, разрушенными городами и церквями, отнятыми святынями. Радикальный характер такой теории реабилитации никого, в общем-то, не смущает, так как геноцид сам по себе является предельной формой радикальности, следовательно, и ответ должен быть адекватным.

- Политическая или **“терапевтическая”** реабилитация постгеноцидальной травмы считается наиболее приемлемой процедурой. Речь идет о том, чтобы восточные районы современной Турции, прилегающие к горе Арарат, озеру Ван, горные районы Сасуна и Муша и ряд северо-восточных вилайетов Турции были бы возвращены Армении. Далее, Турция должна будет возместить экономический и моральный ущерб всему армянскому народу, что позволит потомкам уничтоженного или депортированного народа вернуться на свою историческую родину. Такие действия Турции, по версии теоретиков, должны смягчить болезненные последствия геноцида и снять тот невыносимый пласт ненависти, который домokловым острием нависает над нашими народами. Политическая несостоятельность этой теории кажется очевидной, если судить по реакции турок на все, что касается Геноцида армян. Данная теория предполагает активное и добровольное участие турок в деле преодоления последствий геноцида. Но в нынешней ситуации это представляется маловероятным.

- И, наконец, **религиозно-моральная процедура** реабилитации бесчисленных невинных жертв геноцида, которая предполагает серьезное нравственное перерождение “армянской души”. Геноцидальный кошмар реинтерпретируется в образ массового мученичества и святости древнего христианского народа. Слишком многочисленны примеры того, как армяне отказывались быть вероотступниками и принимали мученическую смерть за право оставаться христианами. И если евреи воспринимают геноцид своего народа в терминах всеожжения и жертвоприношения (холокост), то армяне вполне справедливо христианизируют это событие в терминах мученичества (мартирологическая традиция). Именно в этой традиции возникает острая потребность в раскаянии. И мы не раз уже слышали, как армяне настойчиво призывают турок раскаяться в содеянном. Но насколько турки способны на это, и что означает раскаяние по-турецки? Здесь не место углубляться в тонкости исламского богословия как основы турецкого правосознания, но, думаем, мусульмане согласятся, что, согласно их вероисповеданию (и законам шариата), за раскаянием обязательно должно следовать наказание, но никак не прощение. Аллах не является Богом прощения и любви, но — «справедливости

и наказания». Пророк Мухаммед раскаявшихся людей наказывал смертью. Вдобавок ко всему, ислам не признает «первородный адамический грех», а значит, считает себя вправе наказывать, отнимать жизнь у «грешников». Если христианин не имеет права судить другого человека просто потому, что сам «грешен-виновен», то мусульманин судит другого человека не только согласно установленному закону, но и потому, что тот признал за собой вину или грех, то есть раскаялся. Полагаем, что согласно этой логике, турки рассматривают призыв к раскаянию как преддверие наказания, и потому так активно опровергают очевидное. Нравственная природа турка выстраивает следующее умозаключение: если я виновен, то должен быть наказан, если же я не виновен, то и не могу быть наказан. Если я раскаиваюсь, то значит, признаю свою вину, а значит, и должен быть наказан. Если же я не раскаиваюсь, то значит, не признаю свою вину, а значит, и не могу быть наказан. Такая чудовищная логика, полная волюнтаризма и софизма, лежит в основе турецкой политической и юридической практики, — виновность утверждается не фактом содеянного, но только лишь интерпретацией этого факта. Все сказанное выше подтверждает глубокий религиозный, юридический и моральный нигилизм Турции.

Призыв к раскаянию для Турции означает то же, что и призыв к наказанию. Для большинства турок раскаяние становится вопросом жизни и смерти, но никак не очищения. Армянам, а также европейцам, которые пытаются убедить Турцию в необходимости «смириться с собственной историей», признать чудовищные факты своего прошлого, следует учесть это.

Признание Турцией армянского геноцида в некотором смысле означает переоценку всех нравственных ориентиров, которые столетиями формировали турецкий моральный кодекс. Иными словами, любовь и милосердие должны стать чем-то более величественным, чем суровый закон, справедливость и «покорность». Интеграция Турции в Европейский Союз, прежде всего, означает духовно-нравственное перерождение турецкого общества, а признание геноцида – мерилom такой трансформации. В 2007 году турецкая интеллигенция инициировала сбор подписей под обращением с такими словами: «Моя совесть не приемлет бесчувственность, с которой отрицается великая катастрофа османских армян, произошедшая в 1915 году. Я отказываюсь принимать эту несправедливость и сопереживаю боли моих армянских братьев и приношу им извинения» [2, 40]. За короткий срок к нему присоединились десятки тысяч турецких граждан. И все же такие настроения в современной Турции остаются довольно-таки маргинальными.

Турецкая историческая, политическая и юридическая апологетика в целом сводится к известным тезисам спасения и сохранения турецкой нации,

турецкого государства. Турецкий профессор истории Э.З. Карал пишет: «Турки вынуждены были защищать существование своего государства. Для пресечения сотрудничества армян с державами Антанты сочли необходимым вывести их из зоны боевых действий» [3, 376]. Другой турецкий автор Орхан Ялчин заявляет: «Армяне захотели захватить себе долю из земель Османской Империи, на которых они жили веками. Вот то, чего мы не могли позволить. Разве нам легко достались эти земли?» [3, 378].

Турецкий политический фанатизм был продуктом XX века с примесью расизма и национализма. Религиозно-моральная реабилитация последствий геноцида предполагает, ни мало, ни много, «христианизацию» Турции, — если не в религиозном, то уж точно в нравственно-ценностном, юридическом и политическом смысле. В исторической перспективе такая задача представляется более вероятной.

Однако *vis inertia* турецкой культуры может неожиданным образом отбросить все хрупкие моральные достижения турецкого общества. Для армян всего мира геноцид стал великим потрясением основ бытия. Армяне ощущают «вселенский» масштаб своих духовных переживаний, — армянская душа всегда будет носить в себе печать этой трагедии, из поколения в поколение, из века в век.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://husisapail.narod.ru/demons.htm>
2. <http://solsticefire.livejournal.com/11043.html><http://solsticefire.livejournal.com/11043.html>
3. <http://solsticefire.livejournal.com/11043.html>
4. **Киракосян Дж.** Младотурки перед судом истории.- Ереван: Айастан, 1989. -495 с.

Ա.Ա. ՄԵԼԻՔՅԱՆ

ՄԵԾ ԵՂԵՌՆԸ ԵՎ ՀԵՏԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԵՏԵՎԱՆՔՆԵՐԻ ՀԱՂԹԱՀԱՐՄԱՆ ՈՒՂԻՆԵՐԸ

Շարադրված են «Հայոց ցեղասպանություն» եզրույթին առնչվող փիլիսոփայական, քաղաքական, իրավական, կրոնական, հոգեբանական և բարոյական խնդիրներ, որոնք դիտարկվում են ժամանակակից հայ հասարակության հետցեղասպանական ընկալումների ներքո: Հիմնական ուշադրությունը սևեռված է ցեղասպանության ընկալման յուրահատկությունների ու, այսպես կոչված, “ցավագին հիշողությունների” հաղթահարման ուղիների վրա. Ժողովրդի հավաքական հիշողության մեջ ցեղասպանության իրողությունը թողել է “հետքեր”, հետևաբար հետցեղասպանական հետևանքների հաղթահարման գործում իրենց անփոխարինելի դերակատարումն ունեն հասարակական գիտությունները:

Առանցքային բաներ. ցեղասպանություն, վիշտ, ցեղասպանական հիշողություն, հետցեղասպանական ապաքինում, դահճի տեսակետ, զոհի տեսակետ, չեզոք դիտորդի տեսակետ, իսլամական շարիաթ, հոլոքոստ:

A.A. MELIKYAN

**"METZ YEGHERN" AND WAYS TO OVERCOME
POST-GENOCIDE TRAUMA**

There are philosophical, political, legal, moral and psychic characteristics and aspects in the article concerning the Armenian Genocide problems. These problems are considered in the context of the traumatic experiences of a modern Armenian society. It is also a very important task to describe the experience of overcoming the consequences of the genocide pain and trauma. Genocide leaves a lot of "traces" in the consciousness of people. Therefore, it is necessary to continue the research of the problems of Genocide (it must be a serious scientific task for modern humanitarian thinking) and try to find new ways for rehabilitation of the victims of Genocide.

Keywords: genocide, truma, post-trumatic rehabilitation, genocide's trauma, the position of the executioner, the position of the victim, the position of the neutral observer, Islamic shariah, holocaust.

УДК 338.2

Т.А. БОНДАРСКАЯ

**АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЦИФРАХ И ФАКТАХ
(Тамбовский государственный технический университет, Россия)**

На сегодняшний день важнейшей целью и одновременно средством обеспечения экономической безопасности страны является ее население. Невозможно достичь благосостояния страны, не имея достаточного количества трудоспособного населения и высококвалифицированных кадров. Среди основных показателей ключевое значение имеет структура населения анализируемой территории. Для анализа демографической безопасности были выбраны три близко расположенные муниципальные территории региона Центрального Федерального округа. Проанализированы основные показатели, которые отражают демографическую ситуацию в целом.

Ключевые слова: демографическая ситуация, регион, муниципальные образования, благосостояние граждан, безопасность страны.

“Демографическая безопасность” имеет многогранные определения. Несмотря на то, что понятие “демографическая безопасность” представляется по-разному, существует общее между этими определениями. Демографическая безопасность, прежде всего, это три составляющие - обеспечение регулирования численности населения страны, сохранение этнопропорциональной структуры и улучшение качества жизни населения, где первоочередной задачей является здоровье людей [1].